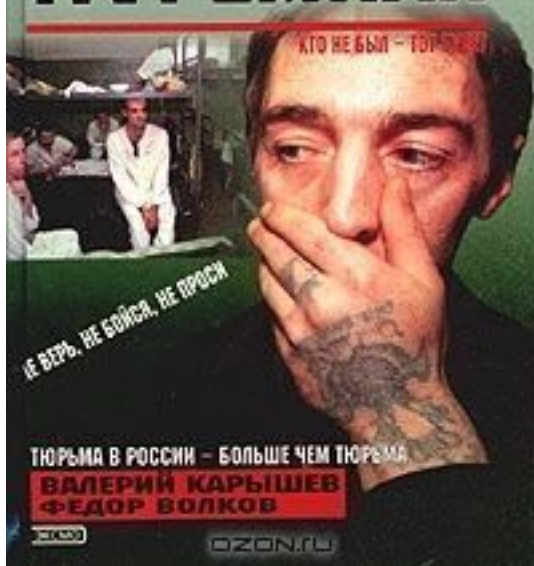

МОСКВА ТЮРЕМНАЯ

КТО НЕ БЫЛ - ТОРЧАЛ

НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ

ТЮРЬМА В РОССИИ - БОЛЬШЕ ЧЕМ ТЮРЬМА

**ВАЛЕРИЙ КАРЫШЕВ
ФЕДОР ВОЛКОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

OZON.RU

Валерий Михайлович Карышев Федор Волков Москва тюремная

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68867628

Аннотация

Когда-то давно на стене магаданской пересылки было нацарапано: «Не верь, не бойся, не проси». С тех пор это выражение стало законом тюремной жизни. Но соблюдают ли его сегодняшние ээки? Как они живут сейчас в камерах Бутырки, Лефортова и Матросской Тишины? По-разному. Маньяка Головкина пришлось поместить в отдельный бокс, иначе его растерзали бы сокамерники. Авторитетный вор Лука несколько лет был «агентом внутрикамерной разработки» и помог органам разоблачить десятки преступников. Патриарха уголовного мира Пашу Цируля бросили в обычную камеру с больничной койки. И он умер в жутких муках. Истории самых известных заключенных пересказываются поколениями сидельцев московских тюрем и становятся легендами. Подлинные факты знают немногие, и авторы книги в их числе. Они создали настоящий «путеводитель» по всем московским тюрьмам.

Содержание

От автора	4
Бутырская тюрьма, ИЗ № 77/2	11
Тюрьма ФСБ Лефортово	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валерий Карышев, Федор Бутырский Москва тюремная

*От тюрьмы и сумы не зарекайся.
Народная мудрость*

*Кто не был – тот будет, Кто был – не забудет.
Еще одна народная мудрость*

От автора

Человек совершил преступление, едва появившись на свет. Первопреступниками, согласно Библии, стали Адам и Ева, укравшие из райского сада яблоко, а организатором и наводчиком похищения выступал Змий-искуситель. Это деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, позволяет говорить о первой в мире организованной преступной группировке. Таким образом, первую, «райскую» ОПГ составляло все тогдашнее человечество.

Адам родил Каина. Каин родил Еноха. Енох родил Ирада...

И каждое новое поколение обязательно преступало закон: Каин убил Авеля, Хам оскорбил Ноя, а сыновья Иакова и во-

все продали своего брата Иосифа в рабство. Преступления, большие и маленькие, стали неизбежным спутником человеческой истории.

Шло время, народонаселение плодилось и размножалось, прогрессируя в разделении на преступников и потерпевших. Первые – убийцы, бандиты, мошенники и маньяки – продолжали душегубствовать, грабить, обманывать, насильничать и бесчинствовать. Вторые же – терпилы, то есть жертвы, – придумывали все более и более изощренные законы для наказания первых. Эти законы и определяли, какое злодеяние чего стоит. Преступников закапывали живьем, сбрасывали со скал, побивали камнями, сажали на кол, рубили им головы, топили, вешали, четвертовали, колесовали, ссылали на галеры и в рудники, но перед вынесением приговора, как правило, изолировали от общества.

Так появились тюрьмы.

За многотысячную свою историю человечество не стало умней и гуманней. Простенькое бытовое убийство Каином своего брата Авеля меркнет перед кровавой чеченской бойней, а примитивный разврат Содомы и Гоморры – легкая эротика по сравнению с продукцией современной порноиндустрии. Преступность неискоренима, как неискоренимы человеческие пороки: алчность, зависть, скудоумие, озлобление, леность мысли. И пока будет существовать преступность, будет существовать разделение на тюрьму и волю.

Так будет всегда и во всем мире.

Так будет и в России...

Тюрьма в России – больше чем тюрьма. Это – и образ жизни, и способ мышления, и система ценностей, и даже система цен. Ни одна мировая культура, ни одна национальная ментальность не впитала в себя столь много экзовских понятий, сколько русская; так, к сожалению, сложилось исторически.

Криминал воспринимается естественной составляющей российской жизни. Тюремный сленг, то и дело прорезающийся в речах депутатов Государственной думы, понятен электорату без перевода. А специфические слова вроде «кидалово», «лавэ», «мусора» или «замочить» встречаются не только в беседах татуированных завсегдаев Бутырки да Матросской Тишины, но и в повседневной речи законопослушных граждан; выражения эти канонизированы телевидением и десятки раз обыграны поэтами-песенниками.

Самые высокие рейтинги на российском телевидении – у бандитско-ментовских сериалов.

Самые популярные песни – про «Владимирский централ», «Кресты», «Таганку» и «Малолетку – небо в клетку». Куплеты, взлелеенные блатной музой, давно стали в России фольклором. Юноши, прикидывающие, с кого делать жизнь свою, мечтают делать ее с товарищей Япончика, Солоника, Мансура, Сильвестра и прочих жиган-лимонов. Молодых пацанов, отмотавших срок, уважают сверстники и норовят полюбить сверстницы.

Книги про «братву», «воров в законе», «жуликов» и «мен-

тов» традиционно являются национальными бестселлерами; это – один из источников познания современного мира.

Впрочем, интерес к жизни в неволе, столь странный на первый взгляд, объясняется просто. От тюрьмы да сумы в России не застрахован никто – ни всемогущий министр, ни преуспевающий олигарх, ни последний ханыга из пивной. Даже там, где нет никакого нарушения закона, дело могут запросто «сшить». Ведь милицию в России боятся не меньше, чем самых отможенных уркаганов, а пресловутое «внутреннее убеждение» судей и «телефонное право» работников прокуратур давно стало притчей во языцех. Наверное, любой средний налогоплательщик запросто приведет три-четыре случая из жизни родственников, друзей или просто знакомых, когда ни в чем не повинного человека посадили «ни за что».

И, может быть, это – одна из причин, по которой многие люди подспудно готовят себя к жизни за решеткой и колючей проволокой?

Именно потому мы и решили написать этот своеобразный путеводитель по столичным следственным изоляторам, по невидимому, но огромному городу в городе.

По Москве тюремной.

И хотя наше повествование более художественное, чем документальное, многие наши герои – реальные люди, прописанные под собственными именами, фамилиями, оперативными псевдонимами и блатными погонялами. В силу

вполне объяснимых причин нам пришлось отказаться от детального изложения некоторых реальных фактов и сцен, сократить некоторые фрагменты служебных документов МУРа, РУОПа, ГУИНа, ФАПСИ и ФСБ, а также изменить имена и фамилии людей, согласившихся стать консультантами по наиболее спорным и деликатным вопросам.

Мы сделали это по просьбе как влиятельных уголовных авторитетов Москвы, так и «компетентных органов». Мы не хотим, чтобы по нашей вине звучали выстрелы наемных убийц и гремели взрывы, не хотим, чтобы лилась кровь – чего-чего, а крови в истории Москвы тюремной пролилось много больше, чем баланды... Надеемся, что читатель поймет нас правильно и не осудит за то, что подчас мы вынуждены прерваться «на самом интересном месте».

Завсегдатай столичных СИЗО из братвы наверняка встретит в этом художественном исследовании знакомые приметы и образы тюремного мира, а может быть, даже узнает кентов, подельников и знакомых. Работники Главного управления исполнения наказаний Минюста, скорей всего, обвинят авторов в «очернении тюремной действительности». А рядовому читателю, который пока еще не сталкивался с тюремным бытом и зэковскими нравами, книга будет полезна в качестве своеобразного учебного пособия: как вести себя при «заезде на „хату“», какие «подлянки» могут ожидать неопытного «первохода», как организовать свой быт, каких следовательских подстав надобно опасаться.

Мы понимаем, что клиенты московских следственных изоляторов – далеко не ангелы. И подавляющее большинство подследственных изолировано от общества совершенно справедливо. Каждому свое: маме – мыть раму, бизнесмену – зарабатывать деньги, поэту – писать стихи, строителю – класть кирпич, честному милиционеру – охранять покой законопослушных граждан, а вору – сидеть в тюрьме.

Мы далеки от примитивного морализаторства. Мы не судьи, не прокуроры и не народные заседатели, и потому не собираемся никого обвинять, а тем более – выносить однозначные оценки людям и событиям. Тем не менее мы убеждены: главная причина всех преступлений мира – в иллюзорной надежде безнаказанности. Еще две тысячи лет назад было сказано, что «всякого будут судить по делам его», но эти слова так и остались гласом вопиющего в пустыне.

Но ведь приговор не обязательно выносится судебными инстанциями и исполняется не только работниками Главного управления исполнения наказаний. Законам жизни присуща тайная потребность в равновесии: как пущенный бумеранг всегда возвращается на прежнее место, так и совершенные преступления предопределяет неизбежность кары. А потому любой, преступивший закон, подсознательно ощущает, что так или иначе будет наказан.

Так оно обычно и получается...

Главам-новеллкам «Москвы тюремной» предпосланы библейские заповеди. И то, что этим заповедям прямо

или косвенно соответствует одна, а то и несколько статей Уголовного кодекса, имеющих непосредственное отношение к героям этого невыдуманного повествования, еще раз подтверждает: всякое преступление рано или поздно будет наказано.

Бутырская тюрьма, ИЗ № 77/2

«Первоход»

*Не кради.
Ветхий Завет*

Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, – наказывается штрафом в размере от двухсот до семисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до семи месяцев, либо обязательными работами на тот же срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Кража, совершаемая:

- а) группой лиц по предварительному сговору;*
- б) неоднократно;*
- в) с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище;*
- г) с причинением значительного ущерба гражданину, – наказывается штрафом в размере от семисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи*

месяцев до одного года либо лишением свободы на срок от двух до шести лет со штрафом в размере до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца либо без таковой.

Статья 156 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(Статьи даны в старой редакции УК)

–... короче так, пацан: у тебя на лбу написано, что ты – лох из лохов. Тебя ваще по какой статье закрыли?

Квадратная камера, унылая и мрачная. Узенькое зарешеченное окно позволяло рассмотреть лишь маленький лоскуток апрельского неба над Бутырской тюрьмой. Латунный кран умывальника отбрасывал солнечные зайчики в темный угол, на матовые плоскости параши-«толкана», и блик этот здесь, в замкнутом пространстве камеры, так некстати напоминал о прежней жизни, оставшейся по ту сторону решеток.

На длинных, отполированных тысячами человеческих тел скамьях, намертво прикрепленных к полу, на скрипучих двухъярусных шконках сидело человек двадцать – двадцать пять. Испуганные лица, скованные движения, потухшие взгляды большинства свидетельствовали, что люди эти впервые перешагнули порог следственного изолятора.

Впрочем, это была еще не настоящая тюремная камера. «Сборка» – так называется помещение, где вновь прибывшие проходят карантин, – пристанище временное. Еще пять,

шесть, максимум семь дней – и обитателей сборки разбрасают по постоянным бутырским «хатам». Вот там-то и начнется настоящая тюрьма...

На нижнем шконкаре сидело двое. Первый – щуплый молодой человек лет двадцати, интеллигентного вида, со следами очков на переносице, – напряженно слушал второго: невысокого, кряжистого малого с сизой металлической фиксой во рту. Плавные, расчетливые движения, быстрый, точно фотографирующий взгляд, заостренные концы ушей, придающие их обладателю сходство с эдаким кинематографическим Мефистофелем... Бутырский Мефистофель держался раскованно, с чувством явного превосходства. Судя по многочисленным татуировкам-перстням на пальцах, эта «ходка» была у него далеко не первой.

Непонятно, почему из всей массы арестантов фиксатый выхватил именно этого, самого серого и невзрачного. Но, судя по интонациям, вроде бы хотел принять участие в его дальнейшей судьбе...

– Так за что закрыли-то тебя? – вновь спросил он. Щуплый с трудом подавил в себе тяжелый вздох.

– Да магнитола с машины снял...

– Музыку любишь?

– Да так... – неопределенно поморщился молодой человек. – Отца нет, мать пенсионерка, деньги с нее тянуть запаadlo, а у меня – девушка. Сам понимаешь – и в кафе схо-

дить хочется, и на дискач...

– Зовут-то тебя как?

– Сашей зовут... А фамилия моя – Лазуткин, – непонятно почему добавил щуплый.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ. 10 апреля 2001 г. Александр Лазуткин тайным способом похитил из салона автомобиля «ВАЗ-2107», припаркованного во дворе дома 46 по ул. Земляной Вал, магнитолау «Панасоник», принадлежащую гражданину Коваленко Е. М., и тем самым совершил преступление, предусмотренное ст. 156, частью второй УК РФ. В результате оперативно-следственных действий А. Лазуткин был задержан сотрудниками ОВД Центрального муниципального округа при попытке пронести краденое домой. Учитывая, что А. Лазуткин ранее привлекался к уголовной ответственности по статье 213 (хулиганство) и решением суда был приговорен к трем годам лишения свободы с отсрочкой приговора, но на путь исправления не встал, а также учитывая тяжесть совершенного им преступления и возможность скрыться от следствия, постановляю:

ИЗБРАТЬ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ А. Лазуткину ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ

Прокурор Головинской межрайонной прокуратуры старший советник юстиции Дмитриев В. П. (подпись)

– Понятно, Сашок, – татуированный сочувственно заки-

вал. – Первоход, значит?

– Что? – не понял собеседник.

– Ну, в первый раз на кичман заехал?

– В мусорню в прошлом году попал, в «обезьянник»...

В ресторане день рождения справляли, какие-то чурбаны к моей Натахе пристали. Ну, мне с другом и пришлось заступиться. По три года условно получили...

Информация и о ментовском «обезьяннике», и об условном сроке не произвела на фиксатого никакого впечатления. Лениво скользнув взглядом по головам арестантов, сидевших на шконке напротив, он спросил неожиданно:

– Филки или дурь – есть?

– Что есть? – Лазуткин непонятливо заморгал.

– Ну, деньги или наркотики, – перевел собеседник, немного раздражаясь такой непонятливостью.

– Наркотиков нет, – ответил молодой человек и осекся, – а деньги...

Под стелькой кроссовок лежали четыре пятисотрублевые купюры, которые Саше удалось пронести через первый, поверхностный шмон. Но ведь не рассказывать же об этом богатстве первому встречному, да еще здесь, на «сборке»!

Впрочем, фиксатый оказался на редкость проницательным малым.

– Да ладно те, не менжуйся. Сколько у тебя заныкано?

– Да есть там... немного, – уклончиво ответил Лазуткин.

– Слышь, пацан, я с самого начала въехал, кто ты есть:

лох из лохов. У тебя это на лбу во-от такими буквами нарисовано! Не в падлу, конечно... Но на «хате» тебя, первохода, за полчаса разденут-разунут и под шконарь загонят... И должным еще останешься, понял. Давай так: я тебе по-честному расскажу, как правильно себя вести, а ты мне по-честному дашь половину того, что с собой имеешь. Я тут по игре влетел, долг закрывать надо. Дело-то, конечно, твое, – выдержав небольшую, но многозначительную паузу, продолжил говоривший, – решай сам, никто никого не неволит. Как говорится: колхоз – дело добровольное. Да – да, нет – нет. Только кажется мне, лучше лишиться половины, чем всего. Так что? Александр задумался...

С одной стороны, ему совершенно не хотелось делиться с незнакомцем своими кровными. Но с другой...

Первоход догадывался: тюремные законы – вовсе не те, по которым люди привыкли жить на воле. Тут, за толстыми каменными стенами, за железными решетками властвуют какие-то загадочные и страшные люди, «авторитеты» и «воры в законе»; о последних молодой человек знал лишь по фильмам вроде «Место встречи изменить нельзя». И могущество таких людей ничуть не меньше, чем тюремного персонала... А этот, с сизой металлической фиксой и загадочными перстнями-татуировками, судя по всему, давно уже искушен в подобных законах.

Лазуткин нагнулся и, опасливо оглянувшись по сторонам, принялся расшнуровывать обувь.

– Вот, возьми...

Фиксатый повествовал тоном лектора общества «Знание», выступающего в провинциальном клубе. И уже спустя полчаса молодой арестант понимал значение выражений «прописка», «подлянка», «хата с минусом», «крысятник», «прессовка», «мусорская прокладка» и многих других. Знал и основные правила поведения на «хате»: не оправляться, когда кто-то ест, никогда и ничего не поднимать с пола, уважать мнение «смотрящего», не подходить к «петухам», а тем более – прикасаться к их вещам...

– Главное – дешевых понтов не колотить, – поучал татуированный учитель.

– Будь таким, какой есть. Но и в обиду себя не давай... Вишь – вон тот амбал, в полосатой майке, сто пудов первоход, как и ты, а как пальцы гнет, как под бродягу косит?!

– говоривший презрительно кивнул в сторону амбала, который явно косил «под крутого». – Это у него от страха... И еще: если хочешь выйти отсюда живым и здоровым, никогда никого ни о чем не спрашивай. Ты не следователь, чтобы вопросы задавать. Въехал в то, что я тебе говорил?

Александр облизал пересохшие губы.

– Ну да...

– Филки сбереги, – деловито напутствовал фиксатый, аккуратно складывая купюру в шестьдесят четыре раза. – Они помогут тебе грамотно прописаться на «хате». Попросят на общак – обязательно отстегни. Может, потом «семья» ка-

кая тебя примет. И помни: тут, в тюрьме, каждый отвечает только за себя. Знаешь, какое тут главное правило? Не верь, не бойся, не проси. А о лавье, которым ты меня подогрел, выручил, не жалей: вспомнишь еще не раз меня, спасибо скажешь...

* * *

Бутырский Мефистофель оказался прав.

Саша Лазуткин ни разу не пожалел ни о том, что «сборка» свела его с этим странным человеком, который пусть и небезвозмездно, но все-таки принял участие в его судьбе. Инструкция по выживанию в условиях Бутырки стоила потраченных денег.

Насчет «не верь» Александр Лазуткин уяснил себе уже на следующий день: следователь, который вызвал его на допрос, ласково увещевал – мол, если возьмешь на себя еще ту магнитолу, которую три недели назад украли с «Тойоты» в районе Киевского вокзала, и то колесо с «мерса», которое какие-то неизвестные сняли во дворе на Ленинском проспекте, твое чистосердечное признание учтется, и тебе обязательно скостят срок. Но как можно было верить словам следака? Ведь меру наказания определяет не следователь и даже не прокурор, а только суд...

Насчет «не проси» первоход также определился очень скоро: когда семидесятилетнему старику на «сборке» ста-

ло плохо с сердцем, сокамерники ломанулись к кормушке, вызывая коридорного «рекса» – мол, человек умирает, «лепилу», врача позови! «Рекс» лениво пообещал сообщить о больном на пост, но врач так и не появился – сердечника откачал какой-то врач из арестантов...

А вот насчет «не бойся»...

Страх – зловонный, словно перестоявшаяся моча, и тяжелый, как бетонная плита, – неотступно преследовал Лазуткина.

Страх преследовал его днем, когда большинство сокамерников «сборки», уже перезнакомившись друг с другом, осторожно обсуждали дальнейшие перспективы тюремной жизни.

Страх преследовал его вечером, когда с тюремного двора неожиданно громко начинало горланить радио «Европа-плюс», наполняя камеру звуками легкомысленных шлягеров.

Страх преследовал его и по ночам, когда спящие «сборочники» беспокойно ворочались на шконарях: видимо, большинство из них, также первоходы, тоже страшились неизвестности. Александр спал урывками, часто просыпаясь и вскрикивая, потому что сновидения его были неправдоподобны и жутки, как фильмы ужасов: ему снились то табуированный член следователя, раскачивающийся перед самым носом, то провокации, которые обязательно организуют ему блатные, то серая масса арестантов с алыми гребеш-

ками на стриженных головах и крыльями вместо рук...

И он, Саша, ничего с этим страхом не мог поделать.

Постепенно «сборка» редела – каждый вечер после ужина в камеру заходил вертухай с картонной папочкой, где лежали личные дела и, привычно скользнув взглядом по головам, называл фамилии арестантов: «На выход, с вещами!..» Арестанты выстраивались в шеренгу, и контролер еще раз проверял их по списку. После сверки анкетных данных заключенных уводили в неизвестность.

Наконец, спустя несколько дней, «рекс» среди прочих назвал и фамилию Лазуткина...

Пятерку конвоировали двое – тот самый вертухай, который выдернул арестантов со «сборки», и коридорный в пятнистом камуфляже, вооруженный резиновой дубинкой и огромным баллоном со слезоточивым газом. Он двинулся чуть позади пятерки, а первый конвоир пошел впереди, то и дело ударяя огромным ключом-«вездеходом» по решеткам, разделяющим коридоры следственного изолятора на небольшие отсеки-шлюзы. Запоры были двойные, но открывался только один. Второй засов бездействовал: три массивных стержня могли высунуться из стены и заблокировать переборку в случае тревоги по команде с центрального поста.

Тюремные коридоры, залитые жидким электрическим светом, выглядели на удивление просторными. По обе стороны темнели ровные прямоугольники металлических две-

рей с огромными засовами и номерами «хат»: «158», «160», «159», «161». Левая сторона была четной, правая – нечетной. И трудно было представить, что за каждой дверью – камера, вмещающая до восьмидесяти человек...

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА:

Московский губернский тюремный замок строился с 1779 по 1804 год по проекту знаменитого архитектора Матвея Казакова, автора старого корпуса Московского университета, Демидовского дворца, Сената (ныне – Верховный Совет и Совет Министров). Кирпичные корпуса тюрьмы возведены на месте небольшого деревянного острога, где еще при Петре I содержались участники стрелецкого бунта. Топоним «Бутырская тюрьма» возник из-за непосредственной близости острога к Бутырской заставе.

Московская газета «Русская старина» за 1909 год сообщает, что «своеобразностью и необычностью для Москвы силуэт Бутырского тюремного замка является оригинальным архитектурным решением и законченностью замысла. В чистом виде первоначальная композиция замка (...) не удовлетворяла требованиям тюремного начальства, поэтому первоначальный проект крестообразных тюремных корпусов Матвей Казаков переработал в прямоугольник (в плане), чем было увеличено количество камер в три раза...»

В дореволюционной России Бутырка была центральной пересыльной тюрьмой.

Среди именитых узников – Емельян Пугачев (именем ко-

торого названа одна из угловых башен), революционеры-народовольцы, участники национально-освободительного восстания 1861–1863 годов в Польше и Беларуси, поэт Маяковский, будущий большевик Ольминский, эсер Савинков, великие князья – родственники расстрелянного императора Николая II, поэты Сергей Есенин и Владимир Маяковский, наркомы НКВД Ягода и Ежов, маршалы РККА Тухачевский и Блюхер, шведский дипломат Валленберг, писатели Шаламов и Солженицын.

Среди знаменитых арестантов нового времени – глава ЗАО «Медиа-Мост» Владимир Гусинский, содержавшийся здесь в июне 2000 года. Хозяин медиакомплекса «НТВ-Мост» обвинялся по ст. 159 УК РФ («Хищение чужого имущества группой лиц путем обмана и злоупотребления доверием»). В. Гусинский занимал самое блатное место на «хате» – шконку на нижнем ярусе у окна (привилегия воров в законе и авторитетов). Со слов начальника Центра общественных связей Минюста Г. Лисенкова, сокамерниками В. Гусинского были «интеллигентные люди» – фальшивомонетчик и экономический преступник. Сам же В. Гусинский был избран старостой «хаты». Старостой камеры являлся и бывший глава холдинга «МММ», бывший депутат Государственной думы С. Мавроди, помещенный в тюрьму в 2003 году. С конца восьмидесятых и по сегодняшний день за Бутыркой закрепились репутация одного из самых беспредельных следственных изоляторов Российской Федерации.

В 2002 году из ИЗ № 77/2 бежало трое рецидивистов: Куликов, Железогло и Безотчество. Побег был осуществлен через подземные коммуникации, построенные еще в XVIII веке. Куликов и Железогло были пойманы в течение месяца. Безотчество обезврежен лишь в 2003 году в Подмосковье. В том же 2002 году из ИЗ № 77/2 бежал подследственный И. Виноградов, используя поддельное удостоверение. После поимки преступник по решению суда получил 17 лет строгого режима (побег и покушение на жизнь сотрудника милиции). В настоящее время И. Виноградов находится на так называемом «спецу». В 2003 году в Бутырке начался капитальный ремонт – первый после 1909 года. В частности, была заменена система вентиляции камер. До недавнего времени ИЗ № 77/2 являлся одним из самых переполненных в Центральном регионе России (7000 арестантов при норме 1400). После корректировки процессуальных положений УПК, по которому изменение меры пресечения теперь может выносить только суд, Бутырка значительно разгрузилась. С 2003 года реальная норма содержания арестанта почти соответствует санитарным стандартам ГУИНа Министерства юстиции, по которым на каждого арестанта в ИЗ полагается 4 кв. м.

Лязг открываемых переборок, мерные шаги впередиидущего...

– Стоять! Лицом к стене! – то и дело командовал впереди идущий «рекс», и арестанты послушно выполняли команду,

которая следовала, когда навстречу конвоировали такую же группу заключенных.

Из всей пятерки Лазуткина определили на «хату» первым. Тот вертухай, что шел впереди, постучал ключом по очередной переборке. Дверь открылась, и в отсек вышло двое коридорных и капитан внутренних войск с красной повязкой на рукаве – корпусной. Капитан бегло взглянул на досье Александра и после непродолжительного шмона первохода подтолкнули к открывшейся двери камеры номер «168».

– Располагайся, теперь это твой дом, – привычно пошутил корпусной. Спустя мгновение тяжелая металлическая дверь со встроенной «кормушкой» с

противным скрипом закрылась за спиной Лазуткина. Саша невольно вздрогнул: гулкий лязг был подобен первому удару маятника, отсчитывающего первый день новой жизни.

Дыхание перехватило, пульс участился, и Лазуткин на секунду зажмурился – как человек, которому суждено прыгнуть в омут...

Вот сейчас, сейчас... Из глубины подсознания услужливо выплыла кинематографическая картина: запуганные арестанты, кучка блатных со зверскими рожами и главпахан – Доцент из «Джентльменов удачи», который с леденящим душу криком «Пасть порву, моргалы выколю!» набрасывается на неопытного новичка.

Впрочем, пока основания для беспокойства вроде бы не было.

Темное помещение освещалось тусклыми желтыми лампочками, забранными в тонкие металлические решетки-«кобуры». В атмосфере витали миазмы давно немытых тел, нестираного белья, табачного и водочного перегара.

Камера, внешне небольшая, выглядела заполненной до предела – на всех трехъярусных шконках лежали люди. Некоторые шконки были завешены жиденькими ширмами, некоторые открыты, но белье, развешанное на веревках, крест-накрест протянутых между нарами, не позволяло определить, сколько же человек отдыхает наверху. Однако было понятно, что арестантов здесь много больше, чем положено – не менее восьмидесяти...

В углу негромко бубнил телевизор. Несколько обитателей «хаты», сгрудившись у экрана, следили за футбольным матчем. Двое сидели за столом, увлеченно играя в шахматы. Еще трое резались в самодельные карты.

Казалось, никто не обратил на новичка никакого внимания...

Лазуткин простоял у двери долго – минут пять. Он ожидал чего угодно: подставы, какой-нибудь замысловатой провокации-«подлянки» – вроде тех, о которых рассказывал на «сборке» татуированный наставник, но появление первохода вроде бы оставалось незамеченным. И от этого страх захлестывал новичка до краев...

Неожиданно с верхней шконки у окна поднялся паренек небольшого роста, в дорогом спортивном костюме и, нехотя

подойдя к первоходу, спросил:

– Давно с воли?

– Больше недели, – ответил Лазуткин, внутренне готовясь к какой-нибудь изощренной подставе.

– Зовут-то как?

– Саша. А фамилия моя – Лазуткин.

– Московский?

– Ага, в Сокольниках живу.

– Поня-ятно. Впервые на «хату» заехал? – Заметив скованность новичка, собеседник неожиданно подмигнул ему. – Да ладно, не менжуйся. И так видно, что первоход. Давай, проходи... – паренек кивнул в сторону ближней шконки. – Видишь, у нас со спаньем напряженка, тут все в три смены спят. Покемарь тут пока, а завтра посмотрим, что и как...

Всю ночь Лазуткин не сомкнул глаз. «Прописка», о неизбежности которой он с таким ужасом думал на «сборке», отодвигалась до утра. Но хорошо это или плохо, первоход еще не знал...

В шесть утра в камере началось слабое движение. Из-под шконок вылезли какие-то грязные субъекты и, не обращая на новичка внимания, принялись за уборку хаты. Как узнал Саша чуть позже, это были шныри, или уборщики; камерное местожительство под нарами именовалось почему-то «вокзалом». В половине седьмого большинство обитателей «хаты» проснулось. Правда, некоторые, занимавшие привилегированный угол у зарешеченного окна, оставались спать. Это

были камерные авторитеты, у них были единоличные шкапки.

Вскоре обострившееся за ночь обоняние различило слабый запах пригоревшего масла, и арестанты зашевелились – запах горелого масла был предвестником скорого завтрака. И впрямь: к восьми утра на «хате» появился баландер, кативший впереди себя небольшую тележку с огромными алюминиевыми кастрюлями и аккуратно разложенными буханками хлеба. Утренняя пайка представляла собой кашу из неизвестного ботанике злака и кружку слабо заваренного чая, напоминавшего отвар древесной коры.

Впрочем, большинство арестантов не притронулись к тюремной пайке – «семьи», на которые делилась камера, предпочитали завтракать «дачками», продуктами, переданными с воли.

Лазуткин недоверчиво ковырялся в каше ложкой и, найдя там трупик таракана, решительно отодвинул «шлюмку», то есть миску, в сторону. Конечно, есть хотелось очень, но естественная брезгливость превозмогла голод.

Сразу же после завтрака к первоходу вновь подошел давешний паренек в дорогом спортивном костюме. Присел рядом, приятельски улыбнулся и предложил:

– А теперь давай знакомиться. Саша, говоришь?

– Саша.

– Из Сокольников?

– Из Сокольников.

– По какой статье закрыли?

– Сто пятьдесят шестая, кража...

– Поня-ятно. Ну, подойди к тому столу, с тобой «смотрящий» перетереть хочет... Лазуткин понял – от этого разговора зависит его дальнейшая жизнь в Бутырке.

На ватных ногах первоход двинулся к столу, за которым по-хозяйски восседало несколько татуированных мужчин.

«Смотрящего» он узнал сразу. Это был невысокий, но крепко сбитый мужчина лет сорока с обнаженным торсом, сидевший во главе стола. Выколотая на левом предплечье статуя Свободы свидетельствовала, что ее обладатель относится к так называемому «отрицалову», пять церковных куполов говорили о количестве лет, проведенных в неволе, а изображение Георгиевского креста с аксельбантами на груди – что человек этот участвовал в тюремном или лагерном бунте. Нательную композицию дополняли две восьмиконечные звезды на ключицах («никогда не надену погоны») и такие же звезды на коленях («никогда не встану на колени»). Властные черты лица, тяжелый, придавливающий взгляд, губы, собранные в тонкую нить, – все это свидетельствовало о силе и жесткости характера «авторитета».

Уже чуть позже Лазуткин узнал, что Хиля – таково было погоняло «смотрящего» – на свободе был звеньевым мазуткинской оргпреступной группировки, что закрыли его по классической сто шестьдесят третьей статье «Вымогательство» и что в блатном мире Хиля, имевший уже вторую

судимость, пользовался уважением и авторитетом; именно потому воры и поставили его «смотреть» сто шестьдесят восьмую камеру.

Равнодушно взглянув на первохода, Хиля поинтересовался его именем, фамилией и статьей, после чего спросил:

– Ну, рассказывай, как на свободе жил?

Новичок невольно поежился под тяжелым взглядом собеседника и, тяжело вздохнув, произнес:

– Ну, как... Нормально. Как все. Пока сюда не забрали.

– В попку не балуешься? На кожаных флейтах не играешь? С мусорами дружбы не водишь? Друзей-подельников никогда не сдавал?

– Нет, – твердо ответил Лазуткин.

– Может, жалобы какие есть? Так расскажи, выслушаем и решим... У нас не прокуратура, у нас тут все просто делается.

– Да нету у меня жалоб, спасибо... – растерянно пробормотал новичок. Неожиданно Хиля нарочито приязненно улыбнулся и, скосив взгляд на пачку

«Мальборо», лежавшую на газетном листке, расстеленном на столе, вкрадчиво предложил:

– Вижу, тебе курить сильно хочется... Так закуривай, не менжуйся. Это был ключевой момент.

Еще неделю назад от фиксатого лектора на «сборке» Саша узнал: если в камере предлагают закурить, взяв сигаретную пачку со стола, а не из рук, этого делать не следует. Типичная

«подстава»): до этого момента пачка могла побывать в руках пидара, и человек, прикоснувшийся к «запомоенной» вещи, автоматически становился «законтаченным».

Изобразив на лице нечто вроде улыбки благодарности, Лазуткин ответил:

– Да нет, спасибо, пока не хочется. Хиля прищурился:

– Что – на «сборке» научили? Ладно. – Достав из кармана «чистые» сигареты, он великодушно угостил новичка. – Если про эту «подлянку» знаешь, то должен знать и про законы «хаты». В курсах?

– Рассказывали.

– Наши законы нарушать запрещено. За каждый «косяк» придется ответить. Понял меня?

Лазуткин, чувствуя, что самое страшное позади, кивнул утвердительно.

– Понял.

– Лавэ с собой есть? – спросил «смотрящий» и тут же объяснил, почему он поинтересовался деньгами: – Если есть с собой, отстегни нам на общак, сколько сам считаешь нужным. Так положено. Сегодня ты нам помог. Завтра мы тебя подогреем.

Саша присел, расшнуровывая кроссовку, достал мятую пятисотрублевую бумажку и нерешительно протянул.

– Вот.

Банкнота исчезла в кармане куртки.

– Если проблемы какие – сразу ко мне обращайся. Решим

как-нибудь. А как оно дальше повернется, зависит только от тебя. Каждый сам выбирает свою дорогу в жизни. Пока присматривайся, что и как. Жить тут можно, если вести себя правильно. Вон там, у параша – «петухи» живут. Дальше, под шконками – шныри. А сейчас тебе покажут твою шконку и скажут время, когда спать...

* * *

Прошла неделя.

Саша понемногу освоился в камере. Никто не лез к нему с расспросами, никто не навязывал дружбу. Тут, на «хате», каждый отвечал только за себя.

Бутырский быт отличался редким однообразием. Утром, после завтрака, камера шла на прогулку в тюремный дворик. Впрочем, двориком его можно было назвать лишь с натяжкой: маленькая клетушка, по размерам – не больше гостиной в типовой московской квартире. Толстая металлическая решетка, положенная на кирпичные перегородки, разделяла небо на ровные квадратики, и это «небо в клеточку», так же как и силуэты охранников с автоматами, застывшие наверху, создавало ощущение тоски и обреченности.

После команды «камера, прогулка окончена!» арестанты возвращались на «хату».

Как правило, во время прогулки сто шестьдесят восьмую камеру шмонали: об этом свидетельствовали и вещи

арестантов, небрежно разбросанные по полу, и сброшенные со шконок матрасы, и вывернутые сумки. Менты искали самодельные игральные карты, оружие, спиртное, наркотики и средства связи. Лазуткин уже знал, что за деньги в Бутырке можно купить у вертухаев что угодно – от незамысловатой поллитровки «Столичной» до таблеток «экстази». Особой популярностью пользовались мобильные телефоны, стоявшие у «рексов» четверную цену против вольной – их-то и отметали в первую очередь. Арестанты даже поговаривали, что отметенные при шмоне спиртное и мобильники потом продавали в другие камеры... Впрочем, по поводу ежедневного шмона Саша мог не волноваться – ничего запрещенного у него не было.

После прогулки обитатели камеры обычно усаживались перед телевизорами – на этой «хате» их было целых три штуки.

В Бутырке был свой рейтинг телепрограмм, который разительно отличался от того, что периодически публиковали московские газеты.

Арестанты, обвиняемые по наркоманским статьям (с двести двадцать восьмой по двести тридцать третью), очень любили передачу «Москва: инструкция по применению» канала ТНТ, в которой часто демонстрировались репортажи с московских дискотек – общепризнанных мест распространения наркотиков.

Не меньшей популярностью пользовались милицейские

репортажи вроде «Внимание, розыск!», «Петровка, 38» и «Дежурная часть». Профессиональный интерес к криминальным новостям не оставлял бандитов и на бутырских шконках. Подробное описание перестрелок, взрывов, наездов на фирмы и задержаний наводило на мысль, что программы эти спецом снимаются по заказу братвы, находящейся ныне в ИЗ.

Но больше всего любили аэробику: арестанты, забывшие, как выглядит живая женщина, с горящими взорами следили, как гимнастки в обтягивающих трико демонстрируют чудеса гибкости движений и изощренность поз.

Аэробику здесь называли «сеансами»; так издавна именуют любое переживание эротического характера. Утренние «телесеансы» вызывали на сто шестьдесят восьмой «хате» бурю эмоций, провоцируя самые невероятные мечты и желания.

Первоход почти не интересовался «сеансами» – вот уже третью неделю он не видел свою девушку Наташу, и воображение рисовало ему картины одна мрачней другой.

Кто знает – может быть, Натаха забыла о своем Саше? Может быть, за это время она уже нашла кого-то другого? Да и вообще – захочет ли девушка и дальше встречаться с бывшим арестантом?

Саша уже трижды беседовал с адвокатом. Беседа немного успокоила – во-первых, в отделении милиции, куда доставили Александра Лазуткина, предельно безграмотно со-

ставили протокол задержания, а это давало немалые шансы выкрутиться на суде. Во-вторых, хозяин «семерки», с которой была украдена магнитола, за соответствующую плату был согласен написать встречное заявление: мол, претензий не имею, прошу к уголовной ответственности не привлекать. В-третьих, Лазуткин не взламывал дверку машины и не выдавливал стекло – просто хозяин «жигуля» забыл закрыть автомобиль на ночь, тем самым провоцируя воришек.

Все это давало основания надеяться на лучшее, вплоть до освобождения прямо в зале суда...

А жизнь в камере продолжалась.

«Смотрящий» Хиля деятельно общался с другими камерами через «малявы», то есть записки. «Малявы» шли через так называемые «дороги» – тонкие веревочки, натянутые между зарешеченными окнами «хат». Веревочки эти, идущие от зарешеченного окна вертикально и горизонтально, – позволяли общаться с любым окном этого корпуса. В случае необходимости связаться с другим корпусом арестанты перекрикивались, перестукивались по трубам, передавали «малявы» через прикормленных конвоиров либо через баландера. У многих воров, сидевших на спецу, были мобильные телефоны и даже радиостанции, по которым они держали связь с вольной братвой...

Досуг скрашивался сообразно интеллекту, воспитанию, привычкам и темпераменту заключенных. Кроме телевизора и игральные карты (которые делались при помощи газетной

бумаги, хлебного клейстера и трафарета тут же, на «хате»), развлекали себя прессой и библиотечными книгами, шахматами и домино, физическими упражнениями и самоделками из хлебного мякиша – так называемым китчем. Тюремные скульпторы могли вылепить из «чернушки» что угодно: муляж кастета, противопехотной гранаты и даже пистолета Макарова. Впрочем, в сто шестьдесят восьмой камере милитаристскими опытами не занимались. Поделки выглядели исключительно мирно и даже забавно, изображая привычные картинки российской действительности: мальчика, делающего непристойный жест, мента, протягивающего грабку за взяткой, грузчиков из гастронома, разливающих водяру по стаканам, «новых русских», обвешанных ювелирными украшениями...

Прохладный апрель сменился жарким маем – столбик термометра неумолимо пополз вверх, и жизнь в камере сделалась невыносимой. Испарения потных тел, параши, скверного мыла, пищи, табака сливались в один чудовищный запах, и новички, впервые заехавшие в сто шестьдесят восьмую со «сборки», едва не падали в обморок.

Арестанты лежали на нарах недвижно. Млели, обмахивались газетами, ловили спасительный сквознячок из зарешеченного окна, но и он не помогал: ветра почти не было, меж горячих каменных стен тюремного двора недвижно стояли миазмы перегоревшего бензина, асфальта и смолы. Вентиляторы, переданные с воли, не спасали: теплый воздух, взды-

маемый жужжащими лопастями, казалось, прилипал к коже. Перед сном окатывали водой полы, спали нагими поверх простыней, и белье, влажное от пота, почти не просушивалось в душной камере. Пот крупными прозрачными каплями струился по векам, и заключенные дико вскрикивали во сне. Наверное, многим казалось, что у них вытекают глаза. Вскоре «заплакали» стены – по ним потекла вода.

Казалось, еще чуть-чуть – и Бутырка, расплавившись подобно пластилиновому домику, грязной лужой стечет по раскаленным московским мостовым в решетчатые канализационные люки.

А в начале июня в сто шестьдесят восьмой «хате» произошло событие, серьезно повлиявшее на судьбы многих ее обитателей...

* * *

Уже к концу мая состав камеры сильно изменился. Большинство блатных, составлявших окружение Хили, получив после суда свои сроки, отправились на Краснопресненскую пересылку, в ИЗ № 77/3, где их ждали этапы в лагерь и крытые тюрьмы. На их место пришли новички – в основном первоходы, закрытые по бытовухе: хулиганство, мелкое воровство, убийство по пьяни. Дискотеки, рынки, вокзалы, рестораны, школьные выпускные вечера и московские коммунальные кухни обычно поставляют в следственные изолято-

ры подобный контингент.

Шестого июня, в субботу, на сто шестьдесят восьмую заехало сразу пятеро новичков. Накачанные бицепсы атлетов, коротко стриженные головы, низкие лбы неандертальцев, массивные челюсти и булыжное выражение глаз свидетельствовали, что это – типичные «быки» из организованной спортивности, которые пудовыми кулаками и интеллектуальной отморозенностью обслуживают самую беспредельную часть российского криминалитета.

(Как выяснилось позже, это были рядовые «пехотинцы» из череповецкой и хабаровской группировок; еще с начала девяностых десятки групп провинциальных рэкетиров отправились «на покорение Москвы», предлагая наемнические услуги столичным структурам: ореховской, люберецкой, бауманской и коптинской.)

Эта же пятерка молодых бандитов-беспредельщиков сошлась между собой еще на «сборке», выработав единственно правильные, как им самим показалось, стратегию и тактику освоения новой территории.

Новички сразу же повели себя нагло и вызывающе. Один из них, отзывавшийся на кличку Карел, тут же согнал с нижних нар какого-то серого мужика, объявив, что отныне это – его место. Замечание Хили о том, что на «хате» спят по очереди, осталось без должного понимания.

– Ты-то сам спишь, когда хочется, – напомнил молодой бандит.

– Мне так положено, – коротко ответил «смотрящий».

– А мне почему не положено?

– А потому что сам ты – никто и звать тебя никак, – последовала справедливая оценка.

Лицо Карела налилось кровью, что свидетельствовало об обиде. Казалось, еще мгновение, и он набросится на Хилю с кулаками. Однако на лице новичка неожиданно промелькнуло нечто вроде осмысленности – примирительно хмыкнув, он произнес:

– У вас свои понятия, а у нас – свои. Мы же не заставляем вас жить так, как хочется нам!

– Еще чего не хватало, – процедил Хиля, неприязненно щурясь.

– ... вот и вы своих порядков не навязывайте, – закончил Карел.

– Ты хорошо подумал, прежде чем мне это сказать? – прищурился блатной.

– Лучше некуда, – хмыкнул собеседник, всем своим видом демонстрируя, что разговор закончен.

Конечно, во власти «смотрящего» было многое, но численный перевес был на стороне новичков. И неизвестно, как бы отнеслась к предстоящей разборке основная масса подследственных, то есть мужиков.

Борзых первоходов оставили в покое – по крайней мере, пока.

Первое время молодые провинциальные рэкетеры, прозванные на хате «спортсменами», особо не обращали на себя внимания. Никто из них не курил, не интересовался спиртным и наркотиками, даже не смотрел «сеансы», предпочитая им трансляции с чемпионата по боксу. Новички старались поддерживать спортивную форму: несмотря на жару, по сотне раз за день отжимались от пола, качались, упражнялись в армрестлинге. Жили они одной «семьей», и на общак, естественно, ни разу не отстегнули.

Сокамерники смотрели на них косо – особенно Хиля с тремя блатными, оставшимися в его окружении, и казалось, достаточно одной лишь искры, чтобы начался пожар...

* * *

То памятное июньское утро ничем не отличалось от тысяч подобных: уборка «хаты» шнырями, заезд баландера с тележкой, раздача хлеба...

С последнего все и началось: по тюремным законам, на одного арестанта положено полбуханки хлеба. Хлеб раздается буханками, а уж сами заключенные обычно делят его на равные части. Делается это обычно толстой ниткой – ножи в следственных изоляторах запрещены.

Так уж получилось, что Карел должен был разделить хлеб с каким-то стариком, захавшим в сто шестьдесят восьмую три дня назад. Натянув нитку, молодой бандит разрезал бу-

ханку, небрежно сунув одну половинку соседу.

– На, жуй...

Неожиданно к Карелу подошел «смотрящий»:

– Постой, постой... Покажи-ка вторую половину...

Карел не стал противиться – он молча сунул Хиле свои полбуханки и, состроив такую гримасу, будто бы хотел плюнуть, спросил:

– А че?

Хиля взвесил обе половинки в руках, затем тщательно сравнил их – кусок Карела оказался немного больше. Неизвестно, случайно ли Карел обделил соседа или сделал это с умыслом, но уже через секунду сдержанный гул камеры прорезал хриплый бас «смотрящего»:

– Братва, крыса на хате!

– Где?

– Кто?

– Хата не потерпит крысу! – тут же откликнулись блатные из окружения Хили, и по их тону было понятно, что инцидент спровоцирован загодя.

– Братва, смотрите! У кого – у старика скрысятничал! И что?! Святое, казенную чернушку! – Хиля вызывающе высоко поднял руки с половинками хлеба.

Он хотел было что-то добавить, но не успел: удар кулака – и «смотрящий» отлетел к шконке, ударившись затылком о перекладину. И тут началось...

Первым бросился на Карела маленький, очень ловкий

и юркий блатарь Адам из Звенигорода. В татуированной руке блеснул заточенный в лезвие черенок «весла», металлической ложки. Лезвие наверняка распорол бы Карелу живот, если бы бандиту не пришли на выручку товарищи. Грамотно поставленная подножка – и Адам, растянувшись на полу, сильно ударился головой о железную дверь.

«Спортсмены», воодушевленные первым успехом, пошли в наступление. Карел, подбежав к валявшемуся на полу Хиле, поднял его за волосы и принялся методично бить головой о пол. Из рта «смотрящего» потекла тоненькая струйка крови, он что-то прохрипел, но тут же затих. Товарищ Карела, Валик Хабаровский, успешно отбивался от двух блатных, пришедших на помощь «смотрящему». Спустя минуту один, обливаясь кровью, свалился под шконку с разбитой головой, а второй, получив очень болезненный удар в солнечное сплетение, лежал рядом с парашей, сложившись пополам.

Неожиданно в коридоре послышались торопливые шаги, и в камеру ворвались коридорные вертухаи. Несколько ударов дубинками мгновенно охладили пыл беспределщиков. Вскоре появился и офицер с красной повязкой на рукаве – корпусной. Мгновенно оценив ситуацию, он распорядился: «спортсменов», зачинщиков драки, отправить в карцер, а Хилю и его окружение – на «больничку».

Однако всем было понятно: главные события еще впереди.

Так оно и случилось. Уже вечером Хиля, который не за-

хотел оставаться на «больничке» и вернулся на «хату» к своим обязанностям «смотрящего», получил «маляву» следующего содержания:

Добрый час, братва!

Приветствуем всех достойных Арестантов. Здоровья, Радостей и Мира Дому Нашему. Сообщили нам, что на хату вашу заехало пятеро борзых беспредельщиков, что не приняли они Наши традиции, нарушили Наши порядки, что начали драку на хате и подняли руку на «смотрящего» и братву. Мы, Воры, не допустим беспредела в Доме Нашем. Негодяи теперь все на одной хате, и хата их объявлена со знаком минус. И каждый, кто встретит этих отмороженных скотов на сборках, пересылках, этапах и зонах, пусть поломаёт их поганые хребты. За несправедливость ответственен каждый. Всего Вам Хорошего, Чистого и Светлого. Пусть каждому из Вас улыбнется Удача.

С уважением ко всем честным Арестантам – ... – Воры Российские (ПУБЛИКУЕТСЯ С СОБЛЮДЕНИЕМ ОРФОГРАФИИ ОРИГИНАЛА. ПО ПРОСЬБЕ БРАТВЫ АВТОРЫ СНЯЛИ ПОДЛИННЫЕ ИМЕНА ВОРОВ, ПОДПИСАВШИХ ЭТО ПОСЛАНИЕ.)

Это был смертный приговор. Было понятно: после вердикта, вынесенного авторитетными ворами, «спортсмены» вряд ли доживут до суда, не говоря уже об этапе. Нет ничего страшней в ИЗ, чем «хата», объявленная «со знаком минус»; скорее всего, негодяев будут выдергивать по одному в дру-

гие камеры, где их оправдания вряд ли заинтересуют братву. Ведь приказ «ломать поганые хребты» беспредельщиков на-верняка получила вся Бутырка...

Да и не только она.

* * *

– Встать! Суд идет!

Любой гражданин, заслышав такую фразу, обычно вздрагивает. И Саша Лазуткин не стал исключением.

Лазуткин сидел на жесткой деревянной скамье в металлической клетке слева от судейского стола. Двое молчаливых охранников равнодушно скользили взглядами по публике, собравшейся в зале.

На этот процесс пришли лишь самые близкие: мать, несколько пацанов со двора и, что приятно поразило, его Наташа. Это приободрило: значит, не забыла, значит, по-прежнему любит...

Судебное заседание проходило по стандартному сценарию. Обвинение, упирая на прежнюю судимость по 213-й, «хулиганской» статье с отсрочкой приговора, и на то, что подсудимый не встал на путь исправления, потребовало максимального наказания. Адвокат акцентировал внимание на то, что его подзащитный не взламывал машину, что уже провел в стенах ИЗ почти четыре месяца, а также на незначительную тяжесть преступления, чистосердечное раскаяние

и положительные характеристики с места жительства и места работы. Потерпевший, хозяин обворованной машины, четко подтвердил, что претензий к Александру Лазуткину не имеет и просит не наказывать этого молодого человека лишением свободы.

Мать то и дело всхлипывала, утирая платочком раскрасневшиеся глаза. Наташа, сидевшая к подследственному ближе всех, бросала на Сашу взгляды, полные любви и сочувствия.

– Суд удаляется на совещание, – устало произнесла судья и, захлопнув картонную папочку дела, удалилась с заседателями в совещательный кабинет.

Спустя пятнадцать минут она уже огласила приговор: учитывая смягчающие обстоятельства, а также незначительную тяжесть содеянного и время, проведенное под следствием в ИЗ, «определить наказанием штраф в размере трехсот минимальных размеров оплаты труда, освободив подследственного в зале суда...»

* * *

И было все: полыхающий всхлип-вскрик-вздых матери, слезы на глазах Наташи, приветственные жесты друзей, сдержанная улыбка адвоката и столбнячное оцепенение самого Лазуткина...

Спустя полчаса, после оформления необходимых бумаг,

он уже стоял на людной московской улице, не веря, что это – воля.

– Ну что, Саша, не будешь больше воровать? – спросил адвокат, невысокий улыбчивый мужчина, одетый, несмотря на июньскую жару, в строгий серый костюм консервативного покроя.

– Да нет уж... Какое там воровать!

– Насмотрелся в тюрьме?

Лазуткин лишь тяжело вздохнул – так некстати теперь прозвучал этот вопрос.

Сейчас, жадно вдыхая воздух свободы, Саша меньше всего хотел вспоминать о бутырских ужасах: ни о собственных страхах в «сборке» перед заездом на «хату», ни о «понятиях», правилах поведения, внутреннюю логику которых он так до конца и не постиг, ни тем более о «спортсменах»-беспредельщиках, которые теперь парились на своей «хате с минусом», ставшей, по сути, камерой смертников.

Все эти кошмары остались в прошлом. Теперь, стоя на многолюдной московской улице, он воспринимал недавние события как нечто далекое, нереальное, произошедшее не с ним, точно серенький детектив в плохом пересказе.

– Да, считай, что нам повезло, – продолжил защитник, так и не дождавшись ответа.

– Ну, не скажите – «повезло». – Сашина мать вцепилась в локоть недавнего арестанта такой хваткой, что казалось, никакая сила не сможет оторвать ее от сына. – Бедный, с эти-

ми уголовными харями промучился...

– По сто пятьдесят шестой он мог получить от двух до шести лет, – деликатно напомнил адвокат. – Хотя... Всякий, кто хоть раз сталкивается с тюрьмой, уже связан с ней навечно...

Ни Саша, ни его мать, ни Наташа, случившаяся тут же, не поняли этих слов. А переспрашивать и уточнять их значение почему-то не хотелось.

Попрощавшись с адвокатом, троица отправилась к стоянке такси.

– Где же мы деньги-то такие возьмем? – сокрушался Лазуткин в салоне автомобиля, вспоминая о штрафе в «триста минимальных размеров оплаты труда».

– Ох, сынок, и не говори... Да и дома-то у нас недавно несчастье произошло...

– Что такое?

– Да обокрали нас, – страдальчески выдохнула мать.

– Нас обокрали? Кто обокрал? Как обокрали? – забеспокоился Саша. Материнский рассказ прозвучал кратко, но эмоционально.

Позавчера уехала к тете Вале на другой конец Москвы, в Медведково, квартиру закрыла на все замки, а когда вернулась – полный разгром, все вверх дном перевернуто, все ценное, что было, забрали, а что не забрали, так поломали да попортили...

– И что? – спросил недавний арестант, предчувствуя что-

то недоброе, и от предчувствий этих у него засосало под ложечкой.

– Милиция приехала, отпечатки пальцев снимала, соседей опросила... Обещали, что будут искать. Да какое там! Мы ведь не банкиры, не бизнесмены, чтобы милицию материально заинтересовать.

– Нашли кого-нибудь? – с напряжением в голосе поинтересовался Саша.

– Да какое там! Никаких следов. Правда, две бабушки-пенсионерки у подъезда сидели, так видели вроде какого-то подозрительного типа: весь такой невысокий, плотный, с какими-то синими наколками на руках и металлическими коронками во рту. И уши у него еще такие острые, как у чертика.

Лазуткин откинулся на подголовник, смежил веки.

Неожиданно вспомнилось: «сборка» в Бутырской тюрьме, клочок лазурного апрельского неба сквозь решетку, солнечный зайчик в темном углу и собеседник: кряжистый малый с сизыми фиксами, татуированными пальцами и острыми, точно у кинематографического Мефистофеля, концами ушей...

Может быть, его тоже освободили из-под стражи в зале суда, только на несколько недель раньше?

«Вспомнишь еще не раз меня, спасибо скажешь...»

Тюрьма ФСБ Лефортово «Вор»

*Человек, сбившийся с пути разума, водворится
в собрании мертвецов.
Ветхий Завет*

1. Незаконное приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ в не крупном размере – наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

2. Незаконное приобретение или хранение в целях сбыта, изготовление, переработка, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ – наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества или без таковой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.